

Научная статья

УДК 343.82

doi: 10.33463/2687-122X.2024.19(1-4).1.036-043

НЕПОВИНОВЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ АДМИНИСТРАЦИИ ИСПРАВИТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ОТГРАНИЧЕНИЕ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Александр Михайлович Плешаков¹, Геннадий Сергеевич Шкабин²

^{1,2}НИИ ФСИН России, г. Москва, Россия

¹ pam7185@ya.ru

² uprzn@ya.ru

Аннотация. В статье рассматривается правовая категория «неповиновение представителям администрации исправительного учреждения». Анализируется групповое неповиновение в виде забастовок, отказа от приема пищи, актов аутоагрессии. Раскрываются юридическая природа и роль организатора массовых протестных акций в местах лишения свободы, причинно-следственная связь между действиями организаторов и поведением активных участников злостных нарушений отбывания наказания. Проводится разграничение между преступлениями и дисциплинарными проступками в форме организации группировок осужденных, направленных на неповиновение администрации исправительного учреждения, и участия в таких группировках. Сделан вывод о том, что в любой форме правового неповиновения не должно быть насилия или угрозы его применения, в ином случае противоправное поведение лица может быть квалифицировано как дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества.

Ключевые слова: неповиновение, требования, злостные нарушения режима, группировка

Для цитирования

Плешаков А. М., Шкабин Г. С. Неповиновение представителям администрации исправительного учреждения: правовая природа и отграничение от преступлений // Уголовно-исполнительное право. 2024. Т. 19(1–4), № 1. С. 36–43. DOI: 10.33463/2687-122X.2024.19(1-4).1.036-043.

Original article

DISOBEDIENCE TO REPRESENTATIVES OF THE CORRECTIONAL INSTITUTION ADMINISTRATION: LEGAL NATURE AND DELINEATION FROM CRIMES

Aleksandr Mihajlovich Pleshakov¹, Gennadij Sergeevich Shkabin²

¹ Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia

¹ pam7185@ya.ru

² uprzn@ya.ru

Abstract. The article examines the legal category of “disobedience to representatives of the administration of a correctional institution.” Group disobedience in the form of strikes, refusal to eat, and acts of autoaggression is analyzed. The article reveals the legal nature and role of the organizer of mass protest actions in places of detention, the causal relationship between the actions of the organizers and the behavior of active participants in malicious violations of punishment. A distinction is made between crimes and disciplinary offenses in the form of organizing groups of convicts aimed at disobeying the administration of a correctional institution and participating in such groups. It is concluded that in any form of legal disobedience there should be no violence or threat of its use, otherwise the illegal behavior of a person can be qualified as disorganization of the activities of institutions that ensure isolation from society.

Keywords: disobedience, demands, malicious violations of the regime, grouping

For citation

Pleshakov, A. M. & Shkabin, G. S. 2024, ‘Disobedience to representatives of the correctional institution administration: legal nature and delineation from crimes’, *Penal law*, vol. 19(1–4), iss. 1, pp. 36–43, doi: 10.33463/2687-122X.2024.19(1-4).1.036-043.

В соответствии со ст. 116 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ) неповиновение представителям администрации исправительного учреждения при отсутствии признаков преступления является одним из видов злостного нарушения осужденным установленного порядка отбывание наказания. Согласно закону неповиновение, является дисциплинарным проступком, поскольку в соответствии со ст. 115 УИК РФ за такое деяние к осужденным могут применяться меры воздействия – меры дисциплинарного характера (поскольку регулирование подобных отношений регламентировано гл. 15 УИК РФ о воспитательном воздействии на осужденных к лишению свободы).

Неповиновение фактически выражается в бездействии и в индивидуальном плане означает отказ осужденного от выполнения законных требований сотрудника исправительного учреждения. Следовательно, перед нами конфликт, как минимум, двух субъектов права (двух людей): один требует, другой не подчиняется. В связи с этим важно установить юридические особенности, возникающие в процессе таких взаимоотношений. Полагаем, что правовое содержание проступка в форме бездействия характеризуется двумя условными критериями – объективным и субъективным. Для

признания неповиновения осужденного необходимо установить наличие их совокупности. Рассмотрим их подробнее.

Объективным критерием следует считать наличие у лица обязанности выполнить соответствующие требования. Право предъявлять такие требования в соответствии со ст. 11 УИК РФ принадлежит сотруднику администрации учреждения или органов, исполняющих наказания. Иными словами, это лицо, которое в силу должностных полномочий или служебного положения правомочно в категоричной форме отдавать распоряжения, обязательные для исполнения. Требования, обращенные к конкретному осужденному, должны быть законными, то есть основанными на федеральных законах, определяющих порядок и условия отбывания наказания, а также принятых в соответствии с ними нормативных правовых актах. Законность означает, что обращения представителя администрации не должны быть волюнтаристскими, то есть базироваться на предвзятых отношениях или на субъективно-произвольных решениях. В свою очередь, отказ осужденного предполагает неисполнение правовой обязанности соблюдать требования Правил внутреннего распорядка исправительного учреждения. Тем самым осуществляется воспрепятствование деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы. Иными словами, осужденный должен был исполнять свои обязанности.

Субъективный критерий бездействия осужденного состоит в том, что он мог исполнить законные требования, но сознательно этого не делал. Термин «мог» означает, что у лица имелась реальная возможность совершить необходимые действия. Отсутствие такой возможности исключает дисциплинарную ответственность, и говорить о проступке в форме бездействия нельзя. Раскрывая содержание субъективного критерия, следует отметить, что неповиновение обязательно должно обладать признаками осознанности и наличием воли. Осужденный должен понимать, что не исполняет законные требования представителя администрации, и желать их неисполнения. Волевой признак будет отсутствовать в случае, если лицо совершало деяние под воздействием физического или психического принуждения (например, насилие или его угроза со стороны других осужденных, соблюдение приказов лиц, обладающих высоким статусом в криминальной среде) либо непреодолимой силы (стихийные бедствия, пожары и т. п.).

По аналогии с преступным [7, с. 92–93], бездействие при неповиновении можно дифференцировать на два вида: «чистое» и «смешанное». Первое состоит в самом факте несовершения действий, которые должен был и мог совершить осужденный. «Смешанное» бездействие – это то, которое сопряжено с какими-либо действиями или наступлением последствий. Например, при наличии соответствующих требований в первом случае это может быть отказ от приема пищи, а во втором – уход с места работы или членовредительство.

Следует иметь в виду, что при любом варианте неповиновение представляет собой объективно-субъективное противодействие (сопротивление) персоналу исправительного учреждения в осуществлении функциональных обязанностей по соблюдению режима и поддержанию правопорядка. Осужденный понимает, что он делает (или не делает), и понимает недопустимость своего поведения (осознает вредоносность собственного дисциплинарного проступка).

По своей конструкции неповиновение как процесс и как результат является формальным деянием. Для признания такого поступка окончательным последствием не требуются, они могут влиять лишь на строгость ответственности осужденного.

ТЕОРИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

По своим объективным и субъективным характеристикам неповиновение как дисциплинарный проступок схоже с административным правонарушением. В соответствии со ст. 19.3 КоАП РФ ответственность предусмотрена за неповиновение законным распоряжениям или требованиям сотрудника органа или учреждения уголовно-исполнительной системы для воспрепятствования выполнению ими служебных обязанностей. Однако сами осужденные, как отмечается в юридической литературе, не подпадают под административную юрисдикцию [10]. Административная ответственность заменяется уголовно-исполнительной (дисциплинарной) и признанием лица злостным нарушителем режима [1, с. 56].

Кроме индивидуального неповиновения, в ст. 116 УИК РФ предусмотрено несколько форм группового неповиновения.

Во-первых, это организация забастовок, то есть массовое прекращение работ осужденными. Такие организованные действия, как правило, осуществляются с целью давления на администрацию исправительного учреждения и выполнения собственных «требований».

Во-вторых, злостным самостоятельным нарушением режима является как групповой отказ от работы, так и ее прекращение без уважительных причин. Однако если установлены оправдывающие поведение причины (например, заболевание осужденного), то следует признать и отсутствие нарушения. Отказ одного осужденного от еще не начавшейся или прекращение уже производимой работы без уважительных причин является индивидуальным актом неповиновения. Эта форма нарушения режима – одна из самых распространенных в исправительных учреждениях. Согласно статистическим данным, в 2021 г. в структуре всех злостных нарушений режима отказ от работы занимал третье место [9]. Вместе с тем, когда осужденные организуют массовый отказ от работы или ее прекращение с участием других осужденных, содеянное представляет собой организацию забастовки, то есть групповое неповиновение.

В-третьих, организация групповых неповиновений может выражаться и в других деяниях (действиях или бездействии): в массовом отказе от приема пищи (голодовка); невыходе на проверку; отказе выйти из камеры или другого помещения или войти в них; членовредительстве или других видах аутоагрессии; повреждении или уничтожении имущества, принадлежащего исправительному учреждению, и т. п.

Специфической формой злостного нарушения режима является организация группировок осужденных, направленных на совершение правонарушений, указанных в ч. 1 ст. 116 УК РФ, то есть любого из них. Это может быть создание группы лиц: для употребления спиртных напитков или наркотических средств; совершения мелкого хулиганства; оскорбления представителей администрации; хранения запрещенных предметов; уклонения от обязательного лечения; добровольного мужеложства и пр. С формальной точки зрения подобная организационная деятельность вполне возможна и ее запрещение направлено на стремление оградить (защитить) уголовно-исполнительную систему от любого возможного противодействия выполнению функциональных обязанностей представителями администрации исправительного учреждения.

В юридической литературе неоднократно высказывались мнения о «неравноценном» перечне злостных нарушений режима. Предлагалось исключить отдельные из них из указанного перечня [8] либо ранжировать дисциплинарные проступки на тяжкие, менее тяжкие и другие [4]. Не вдаваясь в полемику по этому поводу, следует, на наш взгляд, в целом поддержать указанные точки зрения.

Организация групповых неповиновений или организация группировок для совершения правонарушений предполагает, что существует осужденный, который осуществляет подобную деятельность. Таким образом, организатор – это лицо, которое собственными усилиями подыскало членов такой группы, склонило их к совместному совершению правонарушения, предложило план его совершения, распределило роли между участниками и т. п. К числу организаторов следует отнести и лицо, руководившее членами группы в момент совершения правонарушения.

В учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества, организатор групповых правонарушений осуществляет общее идеологическое руководство. Его поведение нередко не связано с конкретными правонарушениями, за которые он может быть привлечен к дисциплинарной ответственности, однако в его руках сосредоточены все нити массового неповиновения, поскольку под его непосредственным контролем находится каждый член группы либо действия всей группы в целом. Организатор имеет власть за счет силы своего криминального авторитета, поддержания дисциплины и сохранения структуры иерархических отношений. В нормативных правовых актах нет точного и полного перечня способов и приемов, с помощью которых действует организатор, чтобы объединить и сплотить вокруг себя других осужденных. Как показывает опыт практической деятельности, к числу таких способов в основном относятся завуалированные угрозы насилием [5], разжигание низменных чувств к представителям администрации, шантаж и другие формы психического принуждения.

Организационные действия могут выражаться в создании самой обстановки, при которой осуществляется неповиновение. Практика показывает, что деятельность организатора всегда связана хотя бы с элементарным планированием того, как, где и когда создать благоприятные условия для массовой протестной акции или как использовать ту или иную ситуацию для совершения правонарушения.

Злостным нарушением режима является активное участие осужденного в забастовке, иных групповых неповиновениях, группировках, направленных на совершение правонарушений, указанных в ст. 116 УИК РФ. Правовой анализ роли таких осужденных позволяет утверждать, что группа неповиновения должна состоять, как минимум, из двух человек. Разумеется, само понятие «группировка» свидетельствует о том, что ее численность может быть значительно более объемной и составлять десятки и даже сотни человек. Следовательно, группировкой осужденных необходимо считать группу из двух и более лиц, заранее объединившихся для отрицательного воздействия на других осужденных (в отряде, бригаде, цехе) с целью противодействия усилиям администрации исправительного учреждения по соблюдению установленного правопорядка [2, с. 294].

Отличительной правовой чертой поведения таких осужденных является то, что они активно участвуют в групповом неповиновении. В практическом плане такая активность выражается в призывах, подстрекательстве, склонении других поддерживать акции протеста, вовлечении в подготовительные действия и т. п. Активные участники группового неповиновения – это соучастники в совершении правонарушений, то есть лица, объединяющие свои усилия для действий с распределением ролей. Активные участники действуют умышленно, и каждый из них вносит свой вклад в общее неповиновение. Они заранее договариваются об участии в деянии под руководством организатора. Действия участников и организатора протестной акции находятся между собой в причинно-следственной связи.

ТЕОРИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

В соответствии с уголовно-исполнительным законодательством (ч. 1 ст. 116 УИК РФ) неповиновение представителям администрации является злостным нарушением режима при отсутствии признаков преступления. О каких признаках и каких преступлениях идет речь, не разъясняется.

Основное отграничение преступления от дисциплинарного проступка в виде неповиновения, по нашему мнению, заключается в разной степени социальной значимости и общественной опасности деяния [3, с. 10–11; 6, с. 292]. По смыслу правового содержания термина «неповиновение» понятно, что в настоящее время в нем нет признака уголовно-правовой противоправности (в УК РФ нет такого состава преступления). При любой форме неповиновения в нем не должно быть насилия, как опасного, так и не опасного для жизни или здоровья. Кроме того, в нем должна отсутствовать и угроза такого насилия, а также угроза причинения смерти или тяжкого вреда здоровью.

Однако в ч. 1 ст. 116 УИК РФ содержится одновременное указание на некую абстрактную угрозу и, через запятую, на неповиновение, то есть эти действия приравнены друг к другу. На наш взгляд, это неправильно, поскольку создана многовариантная и неопределенная ситуация. Разграничение между ними остается неясным. О какой гипотетической угрозе идет речь и как она сопрягается с неповиновением?

По нашему мнению, как только осужденный высказывает или конклюдентно демонстрирует подобного рода угрозы (запугивает потерпевшего), неповиновение, в зависимости от конкретных обстоятельств дела, может перерасти в одну из форм дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321 УК РФ). Подобный вывод (об угрозе насилия) распространяется и на другие преступления, совершаемые в местах лишения свободы. В соответствии с приказом Минюста России это так называемые особо учитываемые преступления [9]: убийство (ст. 105 УК РФ); умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ); массовые беспорядки (ст. 212 УК РФ). По нашему мнению, в неповиновении как дисциплинарном проступке должны отсутствовать признаки и других насильственных преступлений – умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ст. 112 УК РФ); умышленное причинение легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ); побои (ст. 116 УК РФ); угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ).

В заключение следует отметить, что индивидуальное неповиновение требованиям администрации исправительного учреждения в совокупности с угрозой и оскорблением (без их разделения) в структуре всех злостных нарушений режима занимает значительное место. В юридической литературе указывалось что в 2021 г. доля таких объединенных злостных нарушений составляла около 8 % (719 случаев из 9000) [9]. В то же время массовая организация групповых неповиновений в виде забастовок или организации группировок осужденных, направленных на злостные нарушения режима, и активное участие в них отражается весьма скупо. По существу, такие противоправные формы поведения являются латентными.

Однако организация группового неповиновения как негативное явление реально существует. Такие деяния активно используются лидерами криминальной среды для оказания психического давления на руководство исправительных учреждений в целях ослабления режима отбывания наказания и удовлетворение своих незаконных требований. Общественная опасность подобных действий (бездействия) требует, на наш взгляд, совершенствования уголовного закона и установления уголовной ответственности за организацию и руководство массовыми протестными акциями,

совершенными лицами, злостно нарушающими режим и правопорядок в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества.

Список источников

1. Гордополов А. Н. Злостный нарушитель режима отбывания наказания в виде лишения свободы и его ответственность в уголовно-исполнительном законодательстве : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2022. 279 с.
2. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / под ред. А. И. Зубкова. 3-е изд. М. : Норма, 2007. 495 с.
3. Малейн Н. С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М., 1985. 193 с.
4. Мусалева А. В., Сабиров Д. Ш. Законодательные пробелы в области применения мер взыскания при совершении осужденными нарушений установленного порядка отбывания наказаний и их устранение // Вестник Самарского юридического института. 2019. № 4(35). С. 67–72.
5. Плешаков А. М., Шкабин Г. С. Угроза применения насилия в отношении осужденного как способ дезорганизации деятельности исправительного учреждения // Уголовно-исполнительное право. 2022. Т. 17(1–4), № 3. С. 326–333.
6. Полный курс уголовного права : в 5 т. / под ред. А. И. Коробеева. СПб., 2008. Т. 1. 1131 с.
7. Уголовное право. Общая часть (опорные конспекты лекций) / под ред. А. П. Дмитренко. М., 2022. 463 с.
8. Уткин В. А. Об уголовно-правовых средствах обеспечения правопорядка в исправительных учреждениях // Вестник Кузбасского института. 2013. № 1(14). С. 7–13.
9. Уткин В. А. Рациональность принуждения как принцип правового регулирования исполнения лишения свободы // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 1(57). С. 29–36.
10. Южанин В. Е., Бочкарев В. В. Проблема понятия злостного нарушителя установленного порядка отбывания наказания в местах лишения свободы // Вестник Владимирского юридического института. 2022. № 4(65). С. 12–17.

References

1. Gordopolov, A. N. 2022, *A malicious violator of the regime of serving a sentence of imprisonment and his responsibility in the penal enforcement legislation: PhD thesis (Law)*, Ryazan.
2. Zubkov, A. I. (ed.) 2007, *Commentary on the Criminal Executive Code of the Russian Federation*, 3rd edn, Norm, Moscow.
3. Malein, N. S. 1985, *Offenses: concept, causes, responsibility*, Moscow.
4. Musaleva, A.V. & Sabirov, D. S. 2019, 'Legislative gaps in the application of penalties when convicted persons commit violations of the established procedure for serving sentences and their elimination', *Bulletin of the Samara Law Institute*, iss. 4(35), pp. 67–72.
5. Pleshakov, A. M. & Shkabin, G. P. 2022, 'The threat of violence against a convict as a way to disorganize the activities of a correctional institution', *Penal law*, vol. 17(1-4), iss. 3, pp. 326–333.
6. Korobeev, A. I. (ed.) 2008, *Complete course of Criminal law*, in 5 vols, vol. 1, St. Petersburg.
7. Dmitrenko, A. P. 2022, *Criminal Law, General part (supporting lecture notes)*, Moscow.
8. Utkin, V. A. 2013, 'On criminal legal means of ensuring law and order in correctional institutions', *Bulletin of the Kuzbass Institute*, iss. 1(14), pp. 7–13.
9. Utkin, V. A. 2022, 'Rationality of coercion as a principle of legal regulation of the execution of deprivation of liberty', *Penitentiary Science*, vol. 16, iss. 1(57), p. 29–36.

ТЕОРИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

10. Yuzhanin, V. E. & Bochkarev, V. V. 2022, 'The problem of the concept of a malicious violator of the established order of serving a sentence in places of deprivation of liberty', *Bulletin of the Vladimir Law Institute*, iss. 4(65), pp. 12–17.

Информация об авторах

А. М. Плешаков – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник;

Г. С. Шкабин – доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник.

Information about the authors

A.M. Pleshakov – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher;

G. S. Shkabin – Doctor of Law, Associate Professor, Chief Researcher..

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 27.06.2023; одобрена после рецензирования 22.01.2024; принята к публикации 05.02.2024.

The article was submitted 27.06.2023; approved after reviewing 22.01.2024; accepted for publication 05.02.2024.